

© 1993 г.

А.П. ВАРДОМАЦКИЙ

СДВИГ В ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ?

ВАРДОМАЦКИЙ Андрей Петрович - доктор социологических наук, работает в Институте социологии АН Республики Беларусь. Наш постоянный автор.

Обратимся к ценностной теории, которая, по моему мнению, достаточно адекватно отражает одно из измерений глобальной динамики мотивирующих ценностей. Она является, пожалуй, ключевой в становлении и развертывании ценностных исследований. Я имею в виду идею и теорию Рональда Инглехарта (Мичиганский университет, Институт социальных исследований), изучающего глобальный сдвиг ценностной системы человечества от материалистических к постматериалистическим ценностям.

В 1970 г. Р. Инглехарт предложил, на первый взгляд, чрезвычайно простую батарею индикаторов, состоявшую всего из четырех пунктов. Респонденту предъявлялась карточка, на которой предлагались следующие вопросы:

а) Если бы Вам пришлось выбирать, то что из перечисленного на карточке Вы сочли бы наиболее важным?

б) А что было бы вторым по важности?

	Первый выбор	Второй выбор
Сохранение порядка в республике	1	1
Предоставление народу возможностей больше влиять на важные решения правительства	2	2
Борьба с повышением цен	3	3
Защита свободы слова	4	4
Не знаю	9	9

За этой кажущейся простотой, однако, стояла большая теория, своими корнями уходящая в предложенную А. Маслоу иерархическую концепцию человеческих потребностей [1]. Ее сущность, напомним, вкратце выражается в следующем: все многообразие человеческих потребностей иерархически организовано в несколько уровней таким образом, что удовлетворение группы потребностей, составляющих нижележащий уровень, является условием и возможностью перехода к реализации потребностей следующего вышележащего уровня. Иерархия Абрахама Маслоу в целом выглядит следующим образом:

Потребности	Эстетические мотивы
Социальные и самоактуализации	Интеллектуальные
Физиологические	Мотив присоединения и самооценка
	Физическая безопасность
	Экономическая безопасность

В интерпретации Инглехарта иерархия приняла несколько другой вид:

Постматериалистические потребности (социальные и самоактуализации)	Эстетические мотивы Интеллектуальные Присоединения и самооценки
Материалистические потребности (физиологические)	Физическая безопасность Экономическая безопасность

Такая концептуализация находится, по моему мнению, в русле распространенного на Западе принципа описания динамики социальных процессов. В самых различных областях. В соответствии с этим принципом последующий этап развития какого-либо явления обозначается приставкой «пост», что указывает, во-первых, на генетическую взаимосвязь двух рассматриваемых этапов и, во-вторых, - и это самое главное - на то обстоятельство, что сущность следующего этапа еще недостаточно ясна, многообразие соответствующих форм еще полностью не очерчено, ясен лишь факт принципиального отличия последующего этапа от предшествовавшего. Например, модернизм-постмодернизм, индустриальное-постиндустриальное общество. Постматериализм, идущий на смену материализму физической и экономической безопасности, включает в себя самореализацию, но сколь велико разнообразие вариантов человеческой самореализации? Что еще придет на смену материалистической ориентации, кроме самореализации, инвайронментализма и т.д.?

В приведенных выше четырех индикаторах первый и третий являются материалистическими, второй и четвертый - постматериалистическими. Если респондент оба выбора делает в пользу постматериалистических индикаторов, то он представляет собой чистый постматериалистический тип, если оба выбора осуществляются из материалистических - чистый материалистический тип. Если один выбор постматериалистический, а другой - материалистический, то такой респондент относится к смешанному ценностному типу. Такова инглехартова типология.

Уже первоначальный замер, сделанный с применением 4-индикаторной малой батареи в 1970 г. в шести странах Западной Европы, позволил обнаружить ряд интересных закономерностей [2]. Вскрылась, в частности, совершенно четкая взаимосвязь: младшие поколения демонстрируют большую ориентацию на постматериалистические ценности, нежели старшие.

Однако 4-индикаторная малая батарея обладает одним существенным недостатком: так как количество индикаторов мало, то инструмент в целом является слишком чувствительным к сиюминутным конъюнктурным колебаниям социально-экономической жизни той или иной страны. Например, временные перепады цен в качестве реакции населения вызовут резкое увеличение значимости материалистического индикатора «борьба с ростом цен», что приведет к непропорционально большому росту материалистической ориентации в целом. Чтобы преодолеть этот недостаток, Р. Инглехарт вводит еще восемь индикаторов — по 4 на каждый тип ориентации, что существенно повысило устойчивость инструмента в целом. Окончательная 12-индикаторная батарея приняла следующий вид:

- А. Сохранение порядка в стране
- Б. Предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства
- В. Борьба с повышением цен Г. Защита свободы слова
- Д. Достижение высокого уровня экономического развития Е. Обеспечение надежной обороноспособности страны
- Ж. Создание таких условий, когда люди имеют больше возможностей решать, что должно делаться у них на работе, по месту жительства и т.п.
- З. Забота о красоте и благоустройстве наших городов и сел.
- И. Стабильная экономика
- К. Борьба с преступностью

Л. Движение в направлении от обезличенного к более гуманному обществу

М. Движение в направлении к обществу, в котором идеи ценятся больше денег

Пункты А, В, Д, Е, И, К являются индикаторами материалистической ориентации, соответственно Б, Г, Ж, З, Л, М - постматериалистической. В предъявляемой респонденту анкете эти 12 позиций сформулированы в виде трех блоков по четыре пункта в каждом, и респондент внутри каждого блока должен был выбрать первую и вторую по значимости позиции.

Впервые этот устойчивый 12-индикаторный инструментарий был применен в 1973 г. в репрезентативных опросах в девяти странах Европейского Сообщества и Соединенных Штатах. А затем он регулярно с интервалом в несколько лет стал применяться в «сюрвейных» опросах общественного мнения в большом количестве стран Западной Европы, Америки, а теперь и в восточноевропейских странах.

В развитие общепсихологических взглядов А. Маслоу Р. Инглехарт предложил два базовых положения, лежащих в основе всех его дальнейших выводов, основывающихся уже на эмпирических данных, больших временных рядах. Эти два суждения обогащают индивидуально-психологическую по своему характеру самореализационную теорию А. Маслоу помещением ее в некоторые социальные контексты, которые существенным образом определяют динамику иерархических движений в ценностных системах, взаимопереходов потребностей с одного уровня на другой. Вот эти два положения: гипотеза 1, так называемая «гипотеза недостаточности» - «приоритеты индивидуальности отражают социально-экономическое окружение: наибольшая субъективная ценность придается тем вещам, обеспеченность которыми наименьшая» [3]; гипотеза 2, «гипотеза социализации» - «взаимоотношение между социоэкономическим окружением и ценностными приоритетами не является отношением непосредственного регулирования, приспособления; между ними пролегает существенный временной лаг, поскольку базовые ценности личности в значительной степени отражают условия, которые доминировали в годы, предшествовавшие периоду ее зрелости» [4].

Первая гипотеза поначалу кажется лишь рафинированной переформулировкой известной житейской мудрости: «Что имеем - не храним, потеряем - плачем». Однако оснащенная проверенной валидной, устойчивой и надежной операционализацией и подкрепленная обильным эмпирическим материалом, она перестает быть расхожим трюизмом, достойным атмосферы расслабленного светского застолья. Полученные в большом количестве стран, большом количестве временных- точек данные показывают, что сущность глобальной ценностной динамики состоит в фундаментальном сдвиге от материалистических к постматериалистическим ценностям. И это является аксиологическим выражением невиданного роста благосостояния стран Западной Европы, Японии (и США также, хотя в меньшей степени), наступившем в результате фантастического экономического взлета в послевоенные годы. Объединенные данные репрезентативного опроса в девяти западноевропейских странах - членах Европейского содружества подтверждают данный тезис (табл. 1).

Вторая гипотеза подтверждается таблицей сопряжения материалистически-постматериалистических выборов с возрастом респондентов. В табл. 2 приведены данные опроса 1988 г. по комбинированной обобщенной выборке стран Европейского Содружества и США [3, p. 93].

Как видно, процент постматериалистичности неуклонно (за одним исключением) возрастает по мере продвижения от пожилых к более молодым слоям населения. Другими словами, чем старше социальная группа, тем более материалистически она ориентирована. Это подтверждает вторую гипотезу: более старшие поколения отражают менее экономически обеспеченные жизненные условия, доминировавшие в их предзрелые годы. Сформировав однажды свою аксиометрическую картину мира (здесь используется термин «аксиометрия», введенный нами для обозначения той новой формирующейся отрасли социальных знаний, которая занимается ценностной проблематикой в эмпирическом, измерительном ключе),

Таблица 1

Динамика ценностей*		
Ценности	Ценностный выбор, %	
	1973 г.	1988
(М) Борьба с ростом цен	39	17
(М) Экономический рост	24	28
(М) Борьба с преступностью	22	27
(М) Стабильная экономика	22	21
(М) Поддержание порядка	19	20
(ПМ) Больше возможностей решать на работе	17	13
(ПМ) Менее обезличенное общество	16	18
(ПМ) Больше возможностей решать в государстве	12	16
(ПМ) Защита свободы слова	11	16
(ПМ) Более красивые города	7	7
(ПМ) Большая значимость идей	7	10
(М) Надежные вооруженные силы	4	6
Итого		
материалистических выборов	130	119
постматериалистических выборов	70	80

*Данные взяты из [3, р. 98].

В скобках указан вид ценностной ориентации: М - материалистический, ПМ - постматериалистический.

Таблица 2

Сопряжение ценностных выборов с возрастом респондентов				
Возраст, лет	Ценностный выбор, %			
	Европейское содружество		США	
	М	ПМ	М	ПМ
15-24	20	22	25	21
25-34	25	21	18	15
35-44	30	16	22	14
45-54	34	19	33	19
55-64	39	9	24	15
65 и старше	41	7	29	11

личность сохраняет ее в значительной мере неизменной на протяжении практически всей жизни.

Конечно же, я понимаю большую роль процессов пересоциализации, ставших особенно важными в условиях всеобщего убыстрения темпов социальных изменений в современных обществах, для которых перестройка есть перманентное нормальное состояние. Однако в целом, в среднестатистическом выражении - ибо индивидуальные флуктуации могут быть самыми разнообразными - доминантную роль играют все-таки так называемые «формативные годы», т.е. непосредственно предшествующий зрелости биографический период.

Таким образом, второе анализируемое положение, гипотеза социализации, в ее инглехартовом исполнении характеризуется одной специфической чертой - представлением о формативных годах личности, которые и определяют жизненные ценности личности на всю ее последующую биографию. По поводу того, к какому именно возрасту относятся формативные годы, существуют различные точки зрения [5]. Я лично, скорее, солидаризировался бы с периодом 12-18 лет.

Наиболее существенным в представлениях о формативных годах является то обстоятельство, что жизненные ценности личности коррелируют не напрямую с возрастом респондента, а, именно с указанными определяющими годами жизни.

Жизненные ценности, следовательно, отражают социально-экономическую ситуацию страны не в настоящий момент, а через временный лаг, определяемый формативными годами. Табл. 2, следовательно, является подтверждением гипотезы социализации обязательно с учетом представлений о формативном периоде жизни личности.

Главной теоретической проблемой при анализе данных, подобных приведенным в табл. 2, выступает проблема разделения эффекта жизненного цикла от когортного эффекта. Действительно, существует точка зрения, что личность по мере взросления, как правило, становится более материалистически ориентированной. Это происходит по ряду причин, среди которых можно назвать появление детей и возникающую вслед за этим необходимость их обеспечения, поиски работы, вовлечение в процесс материального производства и т.д. Поэтому приведенная в табл. 2 закономерность отражает-де не глобальный ценностный сдвиг в сторону постматериалистичности, обусловлен тем, что вновь появляющиеся поколения приходят в этот мир каждый раз во все лучшие экономические условия и, отражая этот факт, формируют все более и более постматериалистическую аксиометрическую картину. С позиций жизненного цикла это может быть просто выражением закономерности, справедливой для всех времен и народов, закономерности, если так можно выразиться, «материализма старости».

Однако есть данные, опровергающие эту точку зрения/Материалы когортного анализа шести западноевропейских стран (Франция, Великобритания, Западная Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды) по результатам репрезентативных ежегодных опросов с 1970 по 1988 гг. показывают, что внутри одной и той же возрастной когорты повышения материалистичности не происходит (за исключением периодов экономических кризисов середины 70-х - периода «нефтяного шока» и начала 80-х) [3, р. 85]. Аксиометрическая картина в целом выглядит следующим образом: в вертикальном разрезе общества, то есть разрезе одномоментного фотоснимка, где одновременно сосуществуют многие поколения, наблюдается совершенно четкая межпоколенная дифференциация, выражающаяся в ценностном сдвиге в сторону постматериалистичности младших возрастных групп. Когортные аксиометрические линии нигде не пересекаются. И это является подтверждением первой гипотезы - гипотезы не; остаточности: каждое следующее поколение приходит в более «экономически безопасный» мир.

В горизонтальном же, временном разрезе, т.е. когортной схеме движения во времени одного и того же поколения по мере их старения, сдвига в сторону материалистической ориентации не наблюдается. И это является подтверждением уже второй гипотезы - гипотезы социализации: аксиометрическая картина личности пишется раз и навсегда в ее формативные годы. Другими словами, жизненного цикла, т.е. движения ценностного сознания в сторону материалистичности внутри одного поколения, нет, движение идет от поколения к поколению. «Социализировавшись» определенным образом в ту или иную аксиометрическую картину мира, данное поколение придерживается ее (опять подчеркиваю - в общем и целом, средне-статистически) до конца дней. Ценностные изменения в обществе идут, таким образом, не фронтально, т.е. когда с течением времени изменяются все члены социального организма, а послойно, от когорты к когорте, аксиометрическая граница проходит между относительно однородными в ценностном отношении поколениями.

Теперь попытаемся обосновать и проверить заявленные западными данными теоретические закономерности на собственном эмпирическом материале. Для этого обратимся к некоторым результатам опроса, проведенного в 1990 г. на территории Республики Беларусь и репрезентировавшего ее взрослое население. Опрос осуществлялся в рамках руководимого автором академического научно-исследовательского проекта «Аксиомониторинг». В ходе исследования применялся адаптированный опросник Европейского (и общемирового) исследования ценностей, вариант 1990 г.

Для лучшей компоновки полученных белорусских данных и построения некоторой типологизации все респонденты подразделялись на четыре ценностных типа. В

Таблица 3

Сопряженность ценностных типов

Возраст, лет	Ценностный тип, %			
	ЦТ1	ЦТ2	ЦТ3	ЦТ4
18-24	4,9	11,7	40,8	32,0
25-44	4,5	25,4	35,7	27,7
45-54	5,8	26,3	30,7	30,7
55-64	19,1	30,9	29,1	17,3
65 и старше	9,3	37,2	34,9	14,0

Таблица 4

Ценностный облик поколений

Возрастная группа, лет	ИПМ	Средняя дата рождения	Формативные годы
18-24	278,7	1969	1980-1988
25-34	275,5	1960	1972-1978
35-44	273,2	1950	1962-1968
45-54	273,3	1940	1952-1958
55-64	237,4	1930	1942-1948
65 и старше	244,4	1920	1932-1938

ценностный тип номер один (ЦТ1) попадали все опрошенные, которые делали все три своих первых выбора в пользу материалистических (М) ценностей. Это означает, что в каждом из трех ценностных блоков, состоящих из четырех пунктов, они выбирали первым материалистический пункт.

Ко второму типу (ЦТ2) относятся все те респонденты, которые сделали два первых выбора материалистические и один постматериалистический (ПМ). Третий тип (ЦТ3) составляют люди, выбравшие один материалистический и два постматериалистических варианта. Наконец, четвертый тип образовали те опрошенные, которые все три выбора сделали в пользу постматериалистических индикаторов. Эту типологизацию обозначим так:

ЦТ1 = 3М; ЦТ2 = 2М + ПМ; ЦТ3 = М + 2ПМ; ЦТ4 = 3ПМ.

Сопряженность указанных ценностных типов выглядит определенным образом (табл. 3).

Теперь попытаемся охарактеризовать ценностный облик каждого из поколений. Чтобы описать в указанном отношении поколение целостно, я предложил бы ввести некоторый индекс постматериалистичности (ИПМ). Он строится следующим образом: первому ценностному типу присваивается своего рода «ценностный вес», равный 1, второму - 2, третьему и четвертому соответственно 3 и 4. Имеется в виду, что по мере возрастания количества постматериалистических выборов, которое происходит по мере движения от ЦТ1 к ЦТ4, должна возрастать величина коэффициента постматериалистичности, на который множится процентное содержание каждой ячейки в таблице сопряженности.

Сумма произведений по строке соответствующих коэффициентов ИПМ на процент в каждой ячейке дает обобщенное описание ценностного облика данного поколения по материалистически-постматериалистическому измерению.

По белорусским данным получились следующие суммы (табл. 4): первые три возрастных группы: 18-24, 25-34 и 35-44 года демонстрируют уменьшение индекса постматериалистичности, что соответствует теории. Уменьшение, однако, незначительное, что отражает незначительность улучшения уровня жизни данной генсовокупности на данном отрезке времени с экономической точки зрения. Однако далее, при переходе от третьей к

четвертой возрастным группам, аналогичного закономерного падения не происходит, ИПМ остается практически одним и тем же. И здесь для адекватных объяснений нужно просто вспомнить нашу историю.

Поколение 45-54-летних имеет среднюю дату рождения 1940 г. (опрос 1990 г.), а их формативные годы пришлось как раз на время послевоенной разрухи. Какой уж тут постматериализм! Далее идет опять закономерное (с точки зрения линейной зависимости) уменьшение ИПМ от группы 45-54-летних к группе 55-64-летних. Обращает на себя внимание большая величина разрыва между ИПМ (55-64) и ИПМ (45-54). Она отражает разрыв ценностных представлений людей, чьи формативные годы пришлось на военное время (да простят меня те, чья юностью была опалена жестокой войной, и им будут неприятны сухие академические термины, описывающие их трагический опыт) от представлений тех, кто вырос в пусть тяжелое, но все-таки мирное время.

Самый старший слой населения дает опять подъем индекса постматериалистичности по сравнению с предыдущей возрастной группой. Но и это «исключение» отражает специфику времени, на которое пришлось их формативные годы: дата рождения когорты 65-летних и старше находится где-то вблизи 1920 г., следовательно, их формативные годы пришлось как раз на годы социалистического «индустриально-коллективизационного энтузиазма».

Попытаемся проанализировать индексы в их соотношении. Если взять крайнее противоположные полюса - самое младшее и наиболее старшее поколения, то явно уменьшение постматериалистической ориентации, что является вполне закономерным с точки зрения, scarcity hypothesis. Действительно, в общем и целом каждое последующее поколение живет в большем материальном достатке, нежели предыдущее, испытывает, так сказать, большую экономическую безопасность (см. выше иерархию А. Маслоу). Однако такая прямолинейная зависимость была бы справедливой, если бы история шла по непрерывно восходящей линии. Но... древо жизни пышно зеленеет, и его крона никогда не бывает правильной геометрической фигурой. Поэтому не получается - и этого не должно быть - при каждом переходе от более младшего к более старшему поколению уменьшение ИПМ или, соответственно, увеличение индекса материалистичности.

Как видим, исключения из линейной зависимости являются лишь подтверждением содержательной части теории недостаточности и представлений о так называемых формативных годах. Колебания индекса постматериалистичности отражают зигзаги нашей истории.

Сравним тепень межпоколенные ценностные различия, полученные на белорусском массиве (восточнославянская культура) с аналогичными данными по странам Европейского Содружества (западноевропейская культура). Западные данные, любезно предоставленные нам Инглехартом, в отличие от белорусских подразделялись на семь ценностных типов, при этом учитывались оба выбора - первый и второй. Первый тип представляют респонденты, которые все шесть выборов (из трех блоков по четыре индикатора) сделали в пользу материалистических ценностей, второй - те опрошенные, которые из шести возможных выборов сделали один постматериалистический, третий - два постматериалистических и т.д. То есть:

$ЦТ1 = 6М$; $ЦТ2 = 5М + 1ПМ$; $ЦТ3 = 4М + 2ПМ$; $ЦТ4 = 3М + 3ПМ$; $ЦТ5 = 2М + 4ПМ$; $ЦТ6 = М + 5ПМ$; $ЦТ7 = 6ПМ$.

Соответственно индекс постматериалистичности ИПМ строился по возрастающей от ЦТ1 до ЦТ7 так, что первому типу присваивался вес, равный единице, второму - двойке и так далее до семи. Таким образом, за некоторой внешне-числовой разницей построения белорусской и западной типологизации стоит одна и та же идеология индексации.

Итак, ИПМ западных данных распределялся по поколениям следующим образом: респонденты в возрасте 18-24 лет - 432; 25-34-433; 35-44 - 418; 45—54 - 398; 55-64 - 374; 65 и старше - 347.

Как видно, два крайних поколения также явно различаются постматериалистичности таким образом, что младшее поколение демонстрирует большую степень постматериалистичности.

Из пяти межпоколенных переходов четыре демонстрируют уменьшение ПМ-индекса, что соответствует общей идеологии «гипотезы недостаточности». Лишь в одном случае - при переходе от самого младшего поколения к поколению 2: летних ИПМ практически не изменяется. Но и это отражает зигзаги уже западной истории: 25-34-летние имеют среднюю дату рождения 1958 г. (1988, следовательно, их формативные годы - 1970—1976, что падает как раз на период топливно-энергетического кризиса, «нефтяного шока», повлекшего за собой падение жизненного уровня населения стран Запада.

Таким образом, я описал эмпирическое подтверждение гипотезы социализации и представления межпоколенных различий. Рассмотрим теперь в этой связи следующий социально-демографический индикатор, также являющийся лакмусовой бумажкой по отношению к указанным теориям, - материальное положение.

Обратимся вначале к белорусским данным. ИПМ в зависимости от уровня дохода распределяется следующим образом: у респондентов с доходом менее 50 рублей он составил 177,2; 51-75 руб. - 176,3; 101-125 - 170,2; 201-300 - 158,5; 301-400 - 155,5; 401-500 - 171,6; более 500 руб. - 199,8.

Прямого возрастания величины индекса постматериалистичности в зависимости от возрастания уровня дохода не наблюдается. Это подтверждает вторую часть гипотезы уровня социализации, которая говорит, что между изменением жизненных ценностей лежит определенный временной лаг. Прямой зависимости между характером ценностной системы (в данном случае материалистически-постматериалистическом измерении) и современным уровнем дохода (доходом на момент измерения) и не должно быть.

Западные данные также соответствуют этим представлениям об отсутствии прямой связи между уровнем дохода респондента в настоящий момент и его ценностными ориентациями. ИПМ по комбинированной выборке стран тоже не возрастает пропорционально уровню дохода. По 10-интервальной шкале доходов (1 - низкий доход; 10 - наиболее высокий) ИПМ располагается следующим образом: 1 - 386; 2 - 368; 3 - 399; 4 - 411; 5 - 414; 6 - 425; 7 - 402; 8 - 366; 9 - 423; 10 - 418. (данные предоставлены Инглехартом).

Заслуживает рассмотрения зависимость М/ПМ измерения от уровня образования. Анализ западных показывает, что ИПМ постепенно возрастает по мере уровня образования. А что показывают белорусские материалы? Здесь ИПМ располагается в зависимости от возраста завершения образования (этот индикатор уровня образования принят в западной социологии и взят нами ради унификации инструментария) следующим образом: возрасту завершения образования в 11—14 лет соответствует 156,7 ИПМ; 15-17 лет - 170,5; 18-19 - 186,3; 20-21 - 169,1; 22-24 - 174,7; 25-27 - 171,7; 28-30 - 172,9; 31-35 - 155,6; 36-40 - 146,1. Увеличение уровня образования, таким образом, отнюдь не влечет за собой увеличение степени постматериалистичности. Гипотеза социализации, заложенная в основу представлений о прямо пропорциональной зависимости между уровнем постматериалистичности респондента и его образованием, в восточнославянской культуре не работает.

Интерпретация этих данных и такого вывода - весьма непростой орешек. Во-первых, с методической точки зрения, представление о том, что возраст завершения образования является хорошим индикатором образовательного уровня, проверенное для западных стран, является лишь допущением для Восточной Европы, в том числе для Беларуси. Это допущение еще предстоит проверить эмпирически.

Во-вторых, с содержательной точки зрения. Говоря об образовательном уровне респондента и используя этот индикатор как показатель социально-демографического статуса опрошенного, западные социологи имеют в виду не только образовательный уровень как таковой - объем знаний, интеллектуальные навыки, эрудиция, критичность и т.д. В западной традиции образовательный уровень респондента является весьма объективным, точным

косвенным индикатором благосостояния его родителей, следовательно, в терминах гипотез недостаточности и социализации индикатором экономической и физической безопасности респондента в его формативные годы. В бывшем же СССР образовательный уровень отнюдь не нес такую косвенную нагрузку и практически не был связан (или связан в значительно меньшей степени) с «безопасностью» в формативный период жизни личности. Поэтому он в принципе не может выступать ни отрицанием, ни подтверждением ни гипотезы недостаточности, ни гипотезы социализации в наших условиях.

В-третьих. Увеличение степени постматериалистичности пропорционально уровню образования в западных странах (на индивидуальном уровне) обуславливается не только положениями, содержащимися в гипотезах недостаточности и социализации. Этот рост на самом деле определяется неким третьим тезисом, который не включен в эти гипотезы даже в имплицитной форме. Этот вводимый здесь мною тезис можно назвать «гипотезой идеализации» и сформулировать следующим образом: увеличение уровня образования усиливает навык личности к ментальной деятельности и, как следствие, влечет за собой увеличение потребности в этой ментальной деятельности, то есть потребности в активности в сфере идеального, постматериалистической активности. Этот феномен - частный случай универсального аксиометрического механизма сдвига средства на цель. Образование, являвшееся средством достижения какой-либо внеобразовательной цели (карьера, материальная обеспеченность и др.), по мере погружения в него становится самоценностью, где наслаждение приносит сам образовательный процесс.

Сопряжение М-ПМ-измерения и образования, по моему мнению, хорошо демонстрирует культурные границы любого, на первый взгляд, универсального принципа, описывающего закономерности человеческой мотивации, индивидуальных и социальных ценностей. Тезисы недостаточности, социализации и идеализации, на первый взгляд, безусловно, всеобщие, в конкретном регионе на конкретном участке его, исторического развития могут не только видоизменяться, но и просто не работать.

Учитывая генетическую связь представлений о М/ПМ-измерении ценностного мира личности и общества с иерархической теорией потребностей А. Маслоу, можно также сделать вывод о западнцентрированности последней. Ситуация 1990 г. в Беларуси (как, впрочем, по всей видимости, и в других регионах бывшего СССР и Восточной Европы) такова, что рост образовательного уровня не повлек за собой усиления пласта постматериалистичности в жизненных ценностях той или иной личности.

В завершение следует обратить также внимание на два обстоятельства методического свойства. Во-первых, в теории Инглехарта речь идет о М/ПМ-измерении преимущественно внутри сферы политических ценностей, поэтому всякое расширительное понимание терминов «материалистическая» и «постматериалистическая» ориентации будет, строго говоря, не совсем корректным [6]. Памятуя о содержательном наполнении тех индикаторов, которые использовались для операционализации М/ПМ-измерения, нужно иметь в виду, что нельзя распространять это измерение в данном его эмпирическом исполнении на более широкую или, более того, всю сферу жизненных ценностей личности и группы.

Во-вторых, остается открытым вопрос - что же все-таки измеряет 12-индикаторная батарея М/ПМ-ценностной оси: ценности или установки? Ведь все индикаторы -конкретно-установочного уровня, а теоретические выводы делаются на ценностном уровне. Насколько корректен с методической точки зрения такой переход?

Настоящей статьей я попытался более подробно ознакомить читателей «СОЦИСа» с теорией и операционализацией материалистически-постматериалистического ценностного измерения, предложенными Инглехартом. Однако здесь не ставилась цель простого изложения этой теории, основанного на изучении литературы. Отнюдь нет, задача заключалась именно в проверке теоретических положений на собственном эмпирическом материале и кросс-культурном переосмыслении этой достаточно известной в среде социологов - «ценностников» теоретической конструкции.

Концепция и эмпирика материалистически-постматериалистического ценностного измерения является хорошим примером возможностей междисциплинарного взаимодействия социологии и психологии. Эта продвинутая и эмпирически фундированная глобальная теория, как и все универсальные построения (построения без кавычек, в хорошем смысле этого слова), имеет свои конкретно-исторические и региональные ограничения и спецификации. Те внешние и внутренние детерминации (в частности, возраст, доход и образование), которые работают одинаковым образом практически во всем западном мире, в восточнославянской культуре, прошедшей к тому же большой исторический путь в рамках тоталитарного государства, начинают «играть» несколько иначе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maslow A. Motivation and personality. New York; Harper and Row, 1954.
2. Inglehart R. The silent revolution in Europe: intergenerational change in post-industrial societies // American Political Science Review. N 65. P. 991-1017.
3. Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. Princenton: Princenton University Press, 1990. P. 68.
4. Ibid.
5. Dalon R.J. Was there a revolution? A note to generational versus tife-cycle explanation of value differences // Comparative political studies. P. 459-475,
6. Inglehart R. The sieient revolution: Changing values and political styles among Western publics. Princenton: Princenton University Press, 1977.